

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК [94+355/359.08] (470.44) |1616–1674|

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ПО ПРИБОРУ (СТРЕЛЬЦЫ, ПУШКАРИ, ВОРОТНИКИ) В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ САРАТОВЕ

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левого берега Саратова (1616–1674). Особое внимание уделено служилым людям по прибору, прежде всего стрельцам, их роли в жизни города. Впервые представлен список многих саратовских стрельцов, служивших в этом городе в третьей четверти XVII в., указаны основные виды деятельности этих служилых людей. **Ключевые слова:** левобережный Саратов, А. А. Гоздаво-Голомбиевский, стрельцы, Печатный приказ.

Recruited Servicemen (Streltsy, Cannoneers, Gatesmen) in the Left-bank Saratov

Ya. N. Rabinovich

Yakov N. Rabinovich ORCID 0000-0002-6204-125X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

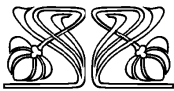
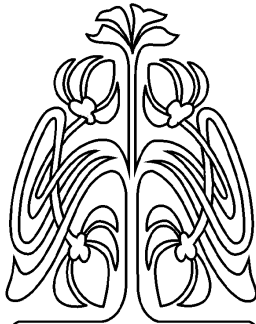
The article deals with the unknown pages of the left-bank Saratov (1616–1674). Special attention is paid to recruited servicemen (mainly streltsy) and their role in the city life. For the first time, the list of many those who served in the city during the third half of the XVII century and their main activities are presented.

Key words: left-bank Saratov, A. A. Gozdavo-Golombievsky, streltsy, Print Prikaz.

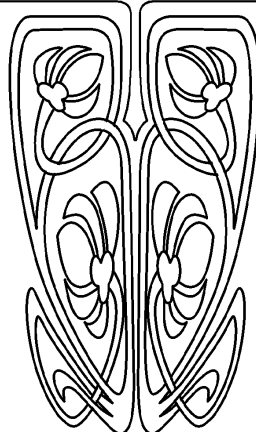
DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-232-241

Основными источниками по истории левого берега Саратова (1616–1674) являются документы Печатного приказа, опубликованные в 1892 г. А. А. Гоздаво-Голомбиевским (8 января 1863 г. – 25 августа 1913 г.)¹. С момента публикации данных документов прошло уже 125 лет, однако за это время кроме А. А. Гераклитова ни один из исследователей истории левого берега Саратова их не использовал. Этот труд А. А. Гераклитова по истории Саратовского края XVI–XVIII вв. до настоящего времени так и остался непревзойденным, однако взятые автором большие географические и хронологические рамки не позволили ему уделить особое внимание служилым людям левого берега Саратова, в том числе стрельцам². Публикуемая работа призвана в какой-то степени восполнить этот пробел.

Основную часть жителей города в XVII в. составляли служилые люди как постоянного, так и переменного состава (годовальщики). Это были в основном стрельцы, служилые люди по прибору. Путешественники, в том числе Олеарий и Стрюйс, отмечали, что город населен одними стрельцами, которых насчитывалось в разное время от 300 до 400 человек. К ним следует прибавить еще 100 стрельцов-годовальщиков переменного состава гарнизона из других Понизовых городов. Стрелецкий гарнизон Саратова состоял обычно из 200–300 пеших и 100–150 конных стрельцов.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В Книгах разрядных за 7133 (1624/1625) г. впервые приводится точная численность гарнизона Саратова: «*На Саратове Федор Иванов сын Чемоданов, а с ним детей боярских 18 ч., пушкарей 4 ч., воротников 2 ч., толмач 1 ч., возж 1 ч., с головою да с 3 ч. сотники конных и пеших 350 ч. стрельцов; на Саратове же на годовой из Еранска, из Кузьмодемьянска из Уржума с сотником 100 ч. стрельцов пеших*» (40 стрельцов с головой из Кузьмодемьянска, 30 стрельцов из Яранска, остальные 30 человек из Уржума)³.

Таким образом, в 1625 г. в городе находилось 350 саратовских стрельцов и 100 годовальщиков из других городов. Количество пеших и конных стрельцов по отдельности не указано, но скорее всего их было 250 пеших и 100 конных.

Аналогичные цифры мы видим и на следующий 1626 г. при воеводе Григории Орлове (350 саратовских стрельцов и 100 годовальщиков)⁴.

После тяжелых боев с ногайскими татарами в 1628 г. состав гарнизона Саратова значительно поредел. Стрельцов теперь насчитывалось только 300 человек (100 конных и 200 пеших), детей боярских осталось 15 человек, а не 18, как было ранее. Кроме того, на годовой службе теперь в Саратове находилась сотня стрельцов-годовальщиков из других городов: из Чебоксар (50 чел.), Цивильска (15 чел.), Кокшайска (15 чел.), Царево-Кокшайского (20 чел.)⁵.

В следующем 1629 г. детей боярских вновь стало 18, а стрельцов осталось 300 человек (пушкарей и воротников также без изменения – 4 и 2 соответственно). Годовальщики снова прибывают из Кузьмодемьянска (20 чел.), а из Чебоксар, Цивильска и Царево-Кокшайска количество стрельцов немного изменилось. Из Чебоксар – 30 чел., Цивильска – 20 чел., Царево-Кокшайска – 10 чел. Впервые прибыли в Саратов стрельцы из Свяжска – 20 чел.⁶

В 1630 г. при воеводе Степане Чемесове началась перестройка Саратовской крепости, так называемое «острожное дело». В этом году в Саратов «на время покаместа острог сделают», прибыло еще 456 человек из 10 Понизовых городов: «*детей боярских 57 ч., новокрепцов и бусурманов 114 ч., да стрельцов 235 ч., да плотников из стрельцов же 50 ч.*»⁷.

Больше всего для строительства крепости прибыло людей из Свяжска, целых 100 стрельцов. По 30 стрельцов прибыло из Чебоксар, Санчурска, Яранска и Цивильска, 20 – из Кузьмодемьянска, 15 – из Царево-Кокшайска, по 10 стрельцов – из Казани, Ядрина и Кокшайска. Общая сумма стрельцов (285 чел.) соответствует цифрам, указанным ранее («*да стрельцов 235 ч., да плотников из стрельцов же 50 ч.*»).

Кроме этих стрельцов в то время в Саратове находились еще стрельцы-годовальщики из 5 городов (Ядрина, Санчурска, Яранска, Кокшайска и Цивильска), которых было в то время 60 человек. Общее число годовальщиков указано 100 человек,

возможно, что в списке не были отмечены годовальщики из Свяжска и Чебоксар. Что касается детей боярских, а также служилых новокрепцов и бусурманов, то больше всего их прибыло в Саратов из Чебоксар (78 чел.) и Царево-Кокшайска (34 чел.).

Костяк гарнизона Саратова составлял все же не переменный, а постоянный состав (дети боярские, стрельцы, пушкар и воротники). Он оставался неизменным на протяжении ряда лет. При Степане Чемесове в 1630 г. мы видим по-прежнему следующих людей: «*Голова стрельцовой 1 ч., детей боярских 18 ч., сотников стрельцовой 3 ч., конных стрельцов 100 ч., да 200 ч. пеших, пушкарей 4 ч., воротников 2 ч.*»⁸.

Однако после перестройки Саратовской крепости постоянный состав гарнизона значительно возрос, кроме детей боярских, которых все время оставалось 18 человек. При воеводе Григории Феофилачеве в 1635 г. количество стрельцов увеличилось на 100 человек, теперь их стало 400 чел. (150 конных и 250 пеших стрельцов). Годовальщики-стрельцы по-прежнему прибывали в Саратов в количестве 100 человек из Понизовых городов. В 1636 г. это были стрельцы из Цивильска (30 ч.), Царева Санчурска (25 ч.), Уржума (25 ч.), Кокшайска (20 ч.)⁹. Количество пушкарей также возросло, их стало 6 человек (раньше было 4). Разряды упоминают еще 12 человек, в числе которых сторожа, воротники, кузнецы, плотники и деловые люди¹⁰. В 1636 г. в Разрядной записи более подробно говорится об этих людях. Это 5 сторожей, 2 воротника, часовник, кузнец, плотник, пивовар. Часовника и пивовара дяки Разрядного приказа отнесли к деловым людям. Количество воротников осталось без изменения (2 человека), что может свидетельствовать об оставшихся по-прежнему двух въездных воротах в крепость. 5 сторожей, кузнец и плотник имеют некоторое отношение к обороне крепости¹¹.

Увеличение числа пушкарей в Саратове с 4 до 6 говорит о многом. Обычно один пушкарь обслуживал орудия, расположенные в одной башне (иногда было два пушкаря на башню). В любом случае увеличение числа пушкарей в крепости свидетельствует как о качественной перестройке крепости (возможно, при Степане Чемесове были построены новые башни), так и об общем увеличении числа крепостных орудий. Возможно, что раньше пушки находились на четырех башнях, а теперь – на шести. Аналогичную картину в эти годы мы наблюдаем и в других поволжских городах, в частности, в Астрахани. Это связано с возрастанием угрозы поволжским городам со стороны новых кочевников – калмыков.

В 1638 г. при воеводе Иване Шаховском, когда последний раз подробно указан в разрядах состав гарнизона Саратова, мы видим те же цифры, как и в 1636 г., в том числе 400 стрельцов (150 и 250). Однако годовальщики (100 чел.) теперь прибывают совершенно из других городов, и это уже не

стрельцы, а городовые казаки: «*На Саратове курмышских и мурашкинских казаков 100 человек*»¹². Ранее на годовую службу в Саратов из Понизовых городов-«доноров» отправлялись стрельцы (сто человек), а теперь мы видим уже вместо стрельцов казаков из Курмышы и Мурашкина.

Саратовскими стрельцами командовали соответственно один – два конных стрелецких сотника и два – три пеших сотника. Общее командование всеми стрельцами осуществлял первый помощник воеводы – стрелецкий голова. Стрелецкий голова обычно назначался из детей боярских. Известны для первых десятилетий левобережного Саратова имена двух стрелецких голов. Один из них – Семен Иванович Болтин, который служил в Саратове в 1620–1622 гг. вместе с воеводой кн. Ефимом Федоровичем Мышецким¹³. Позже Семен Иванович Болтин был воеводой в новой крепости на Волге Черный Яр южнее Царицына. В Разрядах он указан воеводой в Черном Яре в 1631/1632 и в 1634/1635 г., когда он был из этой крепости «отпущен к Москве»¹⁴. Его тезка (родственник), еще один Семен Болтин, в начальный период Смоленской войны отличился в боях против поляков под Новгородом-Северским, за что был щедро награжден 4 декабря 1632 г. в Москве. Его отправил в столицу с сеунчем (вестью о победе) воевода Баим Федорович Болтин, младший брат которого Аверкий Федорович Болтин – один из воевод Саратова в 1644–1647 гг.

Стрелецкий голова Семен Иванович Болтин в Саратове ничем особенным не отмечен в источниках, в отличие от его сменщика. Новый стрелецкий голова в Саратове во второй половине 1620-х гг. Никифор Михайлович Кошелев, возможно, происходил из козельских детей боярских. Он отличился на службе в Саратове, дважды получал награды от правительства, что записано в разрядах. Второе из этих награждений было отмечено еще А. А. Гераклитовым, потом неоднократно цитировалось другими исследователями, правда, с ошибками в тексте. Первое из награждений Никифора Кошелева осталось незамеченным А. А. Гераклитовым, хотя помещено в том же самом источнике, который использовал этот ученый. Соответственно, никто из исследователей, предпочитавших цитировать труды А. А. Гераклитова, до настоящего времени об этом не писал.

Приведем текст первого награждения полностью: «*Сентября в 7 день, по Государеву (титул) указу, по памяти за приписью дьяка Ивана Болотникова, в приказ Казанского дворца, к боярину ко князю Дмитрию Мамстрюковичю Черкасскому да к дьяком к Ивану Болотникову да к Ивану Грязеву, 10 арш. камки куфтерю лазоревого, по 30 по 5 алт. аршин; а из Казанского дворца послати та камка, Государева жалованья, на Саратов, Саратовскому голове стрелецкому Микифору Кошелеву, за службу, что он Микифор в прошлом во 136 году в июне послан был с Саратова, а с ним Саратовские ратные люди, дети боярские*

и сотники стрелецкие, и стрельцы, и казаки, на Крымскую сторону, в степь, за Нагайскими людьми и шведчи, они, Нагайских татар в степи, побили, и взяли в языках, и привели на Саратов Нагайских дву мурз да сорок четыре человеки татар»¹⁵.

Судя по данному тексту, Никифор Кошелев отличился в июне 1628 г. в походе на ногайских татар, возглавлял крупный отряд из детей боярских, стрельцов и даже казаков. Бой происходил на правом берегу (на Крымской стороне) где-то в степи. Так как городских казаков в Саратове в то время не было, то речь здесь идет о волжских казаках. Участие волжских казаков в походах воевод после Смутного времени было редкостью, в отличие от 1590 г. Взятие в плен двух мурз и 44 человека рядовых татар было большим успехом Никифора Кошелева, что было по достоинству оценено правительством. Общая цена дорогой шелковой ткани камки, которую получил Никифор Кошелев, составила около 12 рублей. Это несколько больше годового оклада стрелецкого головы. Указ о награждении Никифора Кошелева последовал 7 сентября 1628 г., примерно через два – три месяца после победы над татарами.

Возможно, что награждение воеводы Саратова Григория Орлова шубой и придачей к окладу также связано с этими событиями.

Ровно через год Никифор Кошелев отличился в новом походе, теперь против воровских казаков. В цитируемом многими исследователями документе отмечено: «*Августа в 16 день, по Государеву (т.) указу, по памяти за приписью дьяка Ивана Грязева, Государева жалованья Микифору Михайлову сыну Кошелеву: 10 арш. камки куфтерю черленого, по рублю арш.; 4 арш. сукна луньошу вишневого, по рублю по 6 алт. по 4 денги аршин; а пожаловал Государь его за казачью Волскую службу, нынешнего 137 году, что, будучи он на Саратове у стрельцов в головах, посылан был с Саратова на Волгу, на воровских казаков, и в той посылке, швед на Волге, воровских казаков побил наголову, и языков, взяв, на Саратов привел*». Здесь точная дата похода против воровских казаков не указана. Служба «Волжская казачья» была в период с сентября 1628 по август 1629 г. Учитывая, что 15 августа 1629 г. последовал указ о награждении Н. М. Кошелева, и беря во внимание время на получения в Москве донесения воеводы Григория Орлова об этих событиях, можно считать, что поход против воровских казаков происходил в апреле – июне 1629 г. Размер жалования здесь составляет 14 руб. 80 коп. (10 руб. камки и 4 руб. 80 коп. сукна)¹⁶.

Т. М. Акимова и А. М. Ардабачкая немного ошиблись в подсчетах, когда писали, что «*стрелецкий голова Н. М. Кошелев получил 10 аршин камки куфтерю червленого (особый вид шелка с золоченым парчовым узором) ценой 12 рублей, что соответствовало трем годовым окладам рядового стрелца*»¹⁷.

Через 8 лет, в 1635/1636 г., Никифор Кошелев указан в разрядах на Михайлове вторым воеводой вместе с Петром Алексеевичем Загрязским¹⁸. Мы видим, что стрелецкие головы в Саратове не оставались здесь до конца службы, а получали новое назначение с повышением и становились даже воеводами в других городах.

Для первых тридцати лет левобережного Саратова пока не обнаружено ни одного имени стрелецких начальников, кроме этих двух стрелецких голов (С. И. Болтин и Н. М. Кошелев), а также десятника Степана Карташева, о приключениях которого в турецком плену хорошо известно. Сам Степан Карташев, человек уже в летах, имеющий трех взрослых детей (в том числе сына и двух замужних дочерей), после освобождения из плена в расспросе в Москве в 1638 г. сказал, что у него в Саратове «сын Афонька, зять Фролко, прозвище Большая Мака, и другой зять Ивашко Болдырь». Все трое служат в конных саратовских стрельцах. Это первые известные имена саратовских конных стрельцов¹⁹.

Саратовец Тимофей Барыбин, попавший в плен к ногайским татарам вместе со Степаном Карташевым, возможно, был служилым человеком по отечеству. Мы не знаем ни одного имени служилых людей по отечеству в левобережном Саратове вплоть до середины XVII в. Саратовские дети боярские в источниках вплоть до 1650 г. пока не обнаружены, известно только, что их было 18 человек.

Начиная с середины XVII в. в источниках приводятся уже десятки имен служилых людей по прибору и отечеству. Более того, нам известны имена саратовских стрельцов, участников восстания Степана Разина. Все эти «бунтовщики» служили в Саратове в 1660-е годы. 23 таких стрельца были в 1674 г. отправлены с семьями в ссылку на службу в Холмогоры и Великий Устюг (известны имена их жен, детей и матерей).

В 1661 г. при воеводе Саратова И. И. Косагове саратовских стрельцов отправляли в поход на Дон («Донская посылка»). Возглавлял этот стрелецкий отряд пятидесятник пеших стрельцов Петрушка Щипанов. Накануне похода стрельцы написали челобитную с просьбой о выдаче жалования. Челобитная была написана от имени пятидесятников, десятников и рядовых стрельцов. Перед походом всем стрельцам выдали денег по рублю. Стрельцы просили, чтобы эти деньги ныне и впредь не засчитывали им как жалование, чтобы данные деньги были как бы сверх положенного жалования. Просьба стрельцов была удовлетворена²⁰.

В 1663 г. саратовские конные и пешие стрельцы написали челобитную, жалуясь на дороговизну хлеба и на нехватку в связи с этим денежного жалования. В находящемся южнее Царицыне жалование стрельцов было больше. Саратовские стрельцы просили назначить им такое же жалование, как у царицынских стрельцов. Их просьба

была удовлетворена, и воеводе Ф. И. Леонтьеву поступило указание выдать стрельцам повышенное жалование. Размер этого жалования не указан, но из других источников мы узнаем, что у саратовских пеших стрельцов жалованье составляло 4 руб., а у царицынских – 4,5 руб. Конные саратовские стрельцы получали 6 руб., а царицынские – 7 руб. (об этом далее более подробно)²¹.

Годом ранее (в 1662 г.) саратовские стрельцы во главе с Тимошкой Железновым (по-видимому, это был стрелецкий пятидесятник) были отправлены в Царицын. Они также просили дать им такое же хлебное жалование, как стрельцам из Царицына и Черного Яра. Из Москвы поступило указание воеводе Царицына Абраму Васильевичу Волкову, чтобы саратовских стрельцов «в хлебной повозке разверстать с Черноярскими и Царицынскими стрельцами»²².

В документах, опубликованных А. А. Голомбиевским, говорится о назначении в стрелецкие сотники конных стрельцов. При этом приводится время назначения и имена этих стрелецких сотников. Одним из первых известных саратовских сотников конных стрельцов был Максим Левашов. Он служил в Саратове до 1652 г., когда оставил службу (причина не указана, это могла быть болезнь или смерть). Служилый человек из Цивильска Иван Жадовский написал челобитную с просьбой назначить его в Саратов на место Максима Левашова. Его просьба была удовлетворена, и с 1652 г. при воеводе А. П. Чирикове Иван Жадовский стал служить в Саратове сотником конных стрельцов²³.

Известен еще один сотник конных стрельцов в это время. До 1654/1655 г. таким сотником в Саратове служил Василий Корноухов. Получается, что в 1652–1654 гг. в Саратове одновременно служили два сотника конных стрельцов, Иван Жадовский и Василий Корноухов. Около 1655 г. Василия Корноухова не стало, данное место оказалось вакантным («выбылым»). В 1655 г. воеводе В. В. Нелединскому поступило указание: по челобитной неверстанного саратовского сына боярского Афанасия Ховрина назначить его стрелецким сотником конных стрельцов вместо Василия Корноухова²⁴.

Этот Афанасий Ховрин служил сотником вплоть до 1669 г. В 1669 г. воеводе И. В. Самарину поступило указание назначить вместо Афанасия Ховрина сотником конных стрельцов Гура Ломакина²⁵.

В источниках указаны также имена пеших стрелецких сотников. Первым из известных пеших сотников можно отметить Родиона Протопопова. Он впервые указан в источниках при воеводе А. П. Чирикове в 1654 г., когда начал служить службу в детях боярских вместо Сергея Протопопова (возможно, старшего брата). Скорее всего, тогда же он был назначен стрелецким сотником пеших стрельцов. Одновременно он служил на заставе на Стрелке-реке. В этой должности

сотника он служил недолго. Уже на следующий год (1655 г.) при воеводе В. В. Нелединском вместо Родиона Протопопова стрелецким сотником был назначен сын боярский Фадей Левашов (родственник упоминавшегося ранее сотника конных стрельцов Максима Левашова), а на заставу на Стрелке-реке вместо него отправили Луку Климова²⁶.

В 1656 г. воеводе Нелединскому поступило указание из Москвы назначить стрелецкого пятидесятника Василия Племянникова сотником пеших стрельцов вместо Григория Медоварова. Прежний сотник Григорий Медоваров получил повышение. Он был записан в окладных книгах и в служилом списке вместо сына боярского Микифора Протопопова, которого за какую-то провинность сослали в Астрахань²⁷.

Что касается Фадея Левашова, то он служил в должности стрелецкого сотника вплоть до 1662 г. В 1662 г. при воеводе Ф. И. Леонтьеве вместо него был назначен сотником пеших стрельцов Борис Гончаров²⁸.

Судя по данным документам, в Саратове одновременно находились стрелецкие сотники пеших стрельцов Родион Протопопов и Григорий Медоваров, а затем – Фадей Левашов и Василий Племянников. Позже всех получил назначение Борис Гончаров.

Таким образом, комплектование начальствующего состава стрельцов, в том числе пеших сотников, происходило разными путями. Сотником мог быть назначен стрелецкий пятидесятник, а мог сын боярский, обычно неверстанный.

По статусу конный сотник был выше, чем пеший, он получал несколько большее жалование. Им же поручались наиболее ответственные дела. Конные стрельцы первыми отправлялись в погоню за кочевниками или за воровскими казаками. К ним иногда присоединялись пешие стрельцы, посаженные на коней. Были и комбинированные походы: один отряд стрельцов на конях двигался берегом Волги, а другой отряд – на стругах.

В 1650 г. воевода В. Г. Феофилачев предпринял успешный поход с саратовскими стрельцами против воровских волжских казаков. В ходе этого похода много казаков было взято в плен, они долгое время находились в саратовской тюрьме, а атаман Микита Соколов повешен²⁹. После данного похода волжские казаки в источниках больше не упоминаются. В дальнейшем грабежами на Волге занимались донские казаки.

А. А. Герасимов привел сведения об участии саратовских стрельцов в походе против донских воровских казаков осенью 1659 г. под руководством Петра Климова. Перед этим в сентябре 1659 г. воеводе Саратова Д. В. Хитрово пришло указание выслать в распоряжение князя Г. С. Черкасского 50 конных и 117 пеших стрельцов. Узнав о новом дерзком нападении воровских казаков на караван судов, воевода отправил Петра Климова с 200 стрельцами против этих казаков (100 конных

стрельцов и 100 пеших стрельцов, посаженных на коней). Этот рейд саратовских стрельцов завершился успешно, казаки были разбиты и бежали в свой воровской городок на Панышинском острове. Уже 15 октября стрельцы вернулись в Саратов с пленными казаками³⁰. По докладу П. Климова в этом бою отличились саратовцы дети боярские, а также стрельцы – сотник конных стрельцов Афанасий Ховрин, пятидесятник конных стрельцов Тимошка Кондратьев, конный стрелец Васька Шатчанин, *«и все Саратовские конные и пешие стрельцы, двесте человек, государю служили и бились явственно»*³¹. Стрельцы как бы реабилитировались за неблагоприятные поступки, которые совершили ранее их товарищи. Дело в том, что в конце апреля того же 1659 г. саратовские стрельцы (8 человек) сопровождали струг с саратовскими посадскими людьми (имена этих саратовских промышленников известны – Тараско Петров и Спиридонко Федоров). Недалеко от Царицына возле Дубового острова этот струг подвергся нападению воровских казаков. Судно с товаром было разграблено, трое стрельцов при этом примкнули к воровским казакам. Воевода Царицына Д. В. Давыдов, докладывая 1 мая об этом происшествии в Москву, привел со слов саратовских промышленников их имена. Это стрельцы Петрушко Вагин, Стенька Казачинин, Васька Кадников³². А. А. Герасимов подробно описал данные события (не приводя при этом имена стрельцов): *«Сплошь и рядом приходится встречаться с указаниями, что экипаж ограбленного судна присоединялся к шайке ограбивших его разбойников. Больше того – мы видели, что даже служилые люди – стрельцы охотно меняли царскую службу на привольную жизнь волжского удальца. Вероятно, что кроме возможности, всегда очень неверной, добыть грабежом то, что не могла дать служба у судового хозяина или даже у самого царя, сама разбойничья жизнь имела в себе что-то обаятельное, что неудержимо влекло к ней вне зависимости ею предоставляемых»*³³.

Конные саратовские стрельцы в 1662–1663 гг. были направлены в поход на юг против азовцев. В смете военных сил 1661–1663 гг. указаны следующие данные о составе и численности Саратовского гарнизона: *«На Саратове детей боярских 16 ч., государева жалованья оклад им 159 рублей, сотников стрелецких 3 ч., государева жалованья оклад им 32 рубли, пушкарей 7 ч., государева жалованья оклад им 32 рубли, конных стрельцов 150 человек, государева жалованья оклад им 904 рубли с полтиною, пеших стрельцов 350 человек, государева жалованья оклад им 1410 рублей с полтиною. Всево всяких служилых людей 526 человек, государева жалованья оклад им всем 2538 рублей. И ис того числа на государеве службе в полку думного дворянина Замятни Федоровича Леонтьева детей боярских 8 человек, конных стрельцов 50 человек. А за тем в Саратове в остатке: детей боярских 10 человек, сотников*

стрелецких 3 человека, пушкарей 7 человек, конных стрельцов 100 человек, пеших – 350 человек; всево в остатке 472 человека»³⁴.

Общее число детей боярских в Саратове, скорее всего, было 18, а не 16 (ведь 8 ушло в поход, а 10 осталось). Количество пушкарей возросло, теперь их стало 7, а не 6. Что касается стрельцов, то их общее количество по сравнению с 1638 г. увеличилось на 100, теперь пеших стрельцов стало 350 человек, а раньше было 250. Возможно, что вместо сотни годовальщиков в Саратов на постоянную службу были «прибраны» дополнительно 100 стрельцов. Для такого большого количества стрельцов (500 человек) указано всего 3 стрелецких сотника. Возможно, что двое из 18 детей боярских были одновременно сотниками стрельцов.

Эта смета позволяет уточнить денежные оклады всех служилых людей. У детей боярских оклад колебался в пределах 6–15 руб., здесь одинакового оклада быть не могло, у некоторых были придачи к окладу. Что касается стрельцов, то здесь можно указать цифры более точно. Из трех сотников, получающих в сумме 32 руб., выделим одного сотника конных стрельцов (12 руб.) и двух сотников пеших стрельцов (по 10 руб.). Рядовые конные стрельцы (147 чел.) получали по 6 рублей, а 3 стрелецких пятидесятника – по 7,5 руб. Также легко высчитывается жалование пеших стрельцов. Они получали несколько меньше денег. 350 пеших стрельцов в сумме получали 1410,5 руб. Следовательно, рядовые стрельцы и десятники (343 чел.) получали по 4 руб., а 7 стрелецких пятидесятников – по 5,5 руб. Что касается пушкарей, то тут можно предположить, что 6 пушкарей получали жалованье в размере 4,5 руб., а один, начальник над всеми пушкарями – 5 руб. Эти цифры могут служить дополнением к указанным в Энциклопедии Саратовского края: «...стрельцы, пушкари, воротники и т. д., получавшие в год жалованья деньгами 3–5 руб...».

В соседнем Царицыне стрельцы получали жалование несколько больше, чем в Саратове. Конные стрельцы – по 7 руб. (100 стрельцов – 700 руб.), пешие стрельцы – по 4,5 руб. (400 чел. включая пятидесятников – 1812 руб.), в том числе пятидесятники – по 6 руб. Недовольные таким «неравноправием» саратовские стрельцы напишут челобитные в Москву с просьбой уравнять их жалование с царицынскими стрельцами. Их просьба будет удовлетворена.

Из данной сметы военных сил видно, что 8 детей боярских и 50 конных стрельцов были отправлены в полк думного дворянина Замятни Леонтьева. Возглавлял отряд конных стрельцов стрелецкий пятидесятник Акишка Степанов. Он от имени всех «командированных» стрельцов написал в Москву челобитную с просьбой, чтобы стрельцы оставались в Саратове в своих домах и ждали прибытия из Казани главного начальника Замятни Леонтьева. По-видимому, ранее их хотели отправить в Царицын. Саратовскому воеводе

Ф. И. Леонтьеву поступило распоряжение, чтобы стрельцы оставались временно в своих домах, «а как придет на Саратов из Казани думный дворянин и воевода Замятня Федорович Леонтьев, и тех стрельцов отдать ему в полк»³⁵.

Командиру этого полка Замятне Леонтьеву задачи постоянно менялись. Вначале его планировали отправить на Дон против азовцев, поэтому пунктом сбора войск был назначен Царицын, однако начавшееся восстание башкир вынудило правительство отправить этот полк на Уфу. Саратовцы также участвовали в этом походе. В Смете военных сил за 1662/1663 г. записано: «И всего всяких служилых людей по норяду велено быть (на Царицыне. – Я. Р.) 6443 человека. И ис того числа по отписке думного дворянина и воеводы Замятни Федоровича Леонтьева отпущено с ним с Царицына на изменников на уфинских башкирцев казанцов, свияжен и иных Понизовых городов, которые выше Казани, и самарян и саратовцов, и которые города по черте дворян и детей боярских и новокрещенов и казаков и стрельцов 508 ч....». Войска, которые оставались в Царицыне для отправки под Азов, поступали в распоряжение князя Григория Сунчалевича Черкасского³⁶.

В это же время конные стрельцы во главе с пятидесятником Стенькой Кузнецом занимались сопровождением грузов по новой сухопутной дороге на Москву. По их челобитной в 1663 г. им было разрешено менять подводы в новой крепости Инсар³⁷.

Из рядовых стрельцов Саратова можно привести имена шести стрельцов (неясно, конных или пеших), которых за какую-то провинность по челобитию саратовских детей боярских, посадских людей и стрельцов сослали в 1656 г. с женами и детьми в Астрахань вместе с сыном боярским Микифором Протопоповым. Это Воинка Борисов, Ивашка Кочегов, Васька Пушкарев, Сенька Чемаукин, Андронка Болдырев, Васька Трубников³⁸.

Кроме упомянутых шести сыльных в Астрахань стрельцов известен пеший стрелец Панька Бахтеяров, который одно время занимался кабацким приставством, был связан с местным кабаком. Но в 1661 г. при воеводе И. И. Косагове он написал челобитную с просьбой освободить его от этого хлопотного дела. В итоге велено «Саратовское кабацкое приставство отставить»³⁹.

Крупным богатым предпринимателем был рядовой конный стрелец Артюшка Маланьин. Он имел огромный капитал, что позволяло ему владеть на откупе рыбными ловлями в районе Саратова. В 1658 г. по его челобитной в Москву воеводе Саратова стольнику Н. И. Головину пришлось распоряжение дать Артюшке Маланьину на откуп рыбные ловли – Саратовский Бородинский, Чардымский и Караманский юрты. Этими юртами он мог владеть «с указного откупного срока, с которого срока те рыбные ловли отдаваны на откуп преж сего иным откупщикам, на два года и впрядь до иных перекупщиков». Годовой откуп,

который Артюшка Маланьин должен был платить на Саратове, составил 40 руб. 5 алтын 5 денег – сумма, примерно равная десяти годовым окладам рядовых стрельцов⁴⁰.

Ранее (в 1656 г.) Бородинский и Чардымский юрты взял на откуп саратовский посадский человек Микита Дубенский вплоть до 1659 г. Теперь даже ранее установленного срока этот откуп перекупил, добавив еще Караманский юрт, стрелец Артюшка Маланьин. Цены откупа при этом выросли почти в два раза. Ранее годовой откуп обходился в 24 руб., а теперь в 40 руб. (правда, с добавкой Караманского юрта)⁴¹.

В 1658 г. саратовские служилые и жилецкие люди получили рыбные ловли в окрестностях города. От имени служилых людей челобитную в Москву с просьбой пожаловать жителям рыбные ловли написал стрелецкий пятидесятник Игнашка Кобяков, а от имени посадских людей – наиболее уважаемый человек Филька Попадейкин. Из Москвы пришла грамота стольнику и воеводе Н. И. Головину, в которой разрешалось саратовским служилым и посадским людям ловить рыбу на Волге *«под городом и от города вверх и вниз по 5 верст про себя, без оброчно, и впредь тех рыбных ловель, которые отданы саратовским служилым и всяким жилецким людям, никому на откуп отдавать не велено»*⁴². Правда, такая грамота обошлась саратовцам недешево, пришлось им уплатить в Печатный приказ пошлину в размере 2 руб. Это же право было подтверждено в следующем 1659 г. В грамоте, отправленной новому воеводе Саратова стольнику Даниле Хитрово, вновь подчеркивалось, что все саратовцы, независимо от чина и звания (*«всяких чинов люди»*), имеют право безоброчно ловить рыбу на Волге на расстоянии 5 верст вверх и 5 верст вниз по реке⁴³.

В 1655–1656 гг. была отправлена в Москву челобитная саратовских стрельцов и пушкарей, от имени которых выступали стрелец Дорофейка Яковлев и пушкарь Мартынка Корсаков. Они выступали также от имени *«всех служилых, и посадских и всяких городских людей»*. Челобитчики просили назначить в Саратов подъячего в съезжую избу, при этом указывали имя того человека, которого хотели бы видеть на этой должности. По данной челобитной саратовских жителей воеводе В. В. Нелединскому в 1656 г. было отправлено указание – назначить подъячего Дмитрия Васильева в съезжую избу⁴⁴. Отметим, что пушкарь Мартынка Корсаков – это первый известный пушкарь в Саратове, их в левобережном Саратове было сначала 4 человека, затем в 1630-е гг. – 6, а в 1663 г. – 7 человек.

Известен еще один стрелец Спирька Рузвенский, который выступал от имени конных и пеших стрельцов при составлении челобитной в Москву. В 1667/1668 г. стрельцы вместе с посадскими людьми, от имени которых написал челобитную земский староста Ивашка Живодер, просили центральные власти, чтобы *«мелкие откупы всякие*

никому на откуп не отдавать». В 1668 г. воеводе Саратова князю Ивану Борятинскому пришло указание удовлетворить эту просьбу саратовцев⁴⁵.

Стрельцы постоянно сопровождали караваны для охраны и в качестве гребцов. В 1647 г. воевода Саратова А. Ф. Болтин получил царский указ давать под государеву *«соболиную казну»*, посланную из Москвы в Астрахань для продажи и обмена на заморские товары, *«суда и кормициков и гребцов – по сколько человек пригоже»*⁴⁶.

Иногда воеводы Саратова не могли выполнить царский указ о сопровождении стрельцами каравана в связи с отсутствием свободных стрельцов. К примеру, когда 24 августа 1641 г. посол в Грузию кн. Е. Ф. Мышецкий и сопровождавшие его лица прибыли в Саратов, то местный воевода Г. Н. Орлов отказался выдать в сопровождение послам дополнительный отряд саратовских стрельцов, ссылаясь на то, что *«все служилые люди посланы в посылку за казаки, а иные в степи по караулом»*. 26 августа небольшой посольский караван в сопровождении лишь 75 астраханских стрельцов *«с великим бережением»* отплыл из Саратова в Царицын⁴⁷. В 1641 г. воеводы многих поволжских городов были озабочены частыми нападениями воровских казаков на караваны судов, поэтому они вынуждены были отправлять против казаков значительную часть стрелецкого гарнизона.

Стрельцы Саратова не только выполняли военные поручения, участвовали в походах, сопровождали караваны в качестве охраны и гребцов. Они также строили разные укрепления, рыли рвы, насыпали валы, рубили лес, работали плотниками, занимались разборкой старых городищ и перевозкой этого строительного материала в Астрахань. О разборке стрельцами древнего Увека источники не сообщают. По-видимому, этот кирпич шел на *«местные нужды»*, в том числе на строительство каменных печей в домах (археологи обнаружили на месте левобережного Саратова много таких печей). Зато известно, что саратовские стрельцы в 1631–1632 гг. участвовали в разборке столицы Золотой Орды возле Царицына. В Смете военных сил Московского государства 1632 г. читаем следующее: *«На Саратове голова стрелецкой 1 чел., детей боярских 18 чел., сотников стрелецких 3 чел., стрельцов конных 100 чел., пеших 200 чел., пушкарей 4 чел., воротников 2 чел., годовальщиков Цивильских Кокшаских, Санчурских, Еранских 100 чел. стрельцов пеших; всего на Саратове 428 чел. И из того числа велено посылать помещено в реку Ахтубу и под Царицын для кирпичные и каменные ломки к Астараханскому городовому делу с сотником по 80 чел. стрельцов пеших, по 20 чел. конных»*⁴⁸. Стрельцам было приказано *«кирпич брать на Ахтубе и ханскую мечеть и дом ломать, чтобы было на построение довольно как белого камня, так и железа»*. Учитывая, что здесь говорится о месячной *«командировке»* саратовских стрельцов в Царицын, с последующей их

заменой новыми людьми, можно предположить, что перед саратовскими стрельцами стояла задача только разобрать каменные здания и складировать этот материал в Царицыне. По-видимому, при этом в Царицыне был создан огромный запас строительного материала, который было невозможно за короткий срок доставить в Астрахань. Эта задача возлагалась уже на других стрельцов из состава гарнизона Царицына, которые еще несколько лет продолжали отвозить этот камень в Астрахань. По-видимому, Адам Олеарий видел таких стрельцов во время своего путешествия в 1636 г. Он писал: «Еще в наше время несколько лодок, нагруженных камнем, шли отсюда и направлялись в Астрахань»⁴⁹.

Известна челобитная саратовских стрельцов с просьбой пожаловать их за «городовое дело». От имени стрельцов подписал ее известный нам стрелец-откупщик Артюшка Маланьин. Для его капитала эта небольшая придача к окладу не имела особого значения. Он был грамотным, пользовался уважением у товарищей, поэтому ему поручили написать эту челобитную. Челобитная подана была около 1666 г., во всяком случае положительное решение по ней было принято в 1666 г. Воеводе князю Ивану Борятинскому поступило указание из Москвы выдать всем этим стрельцам по рублю денег за «городовое дело». Следует обратить внимание, что здесь указано просто «городовое дело», а не «Саратовское городовое дело». Возможно, что здесь речь идет о строительстве на правом берегу Волги укрепленного рыбного городка либо о строительстве какого-то другого города⁵⁰.

В заключение стоит привести имена саратовских стрельцов, которые приняли активное участие в восстании Степана Разина. Этим стрельцов после подавления восстания два года содержали в тюрьме в Москве, пока велось следствие. Потом в декабре 1674 г. по ним было принято решение сослать их в ссылку в отдаленные города – Великий Устюг и в Холмогоры «на вечное житье в стрельцы» вместе с семьями, женами и детьми, некоторых – даже с матерями. Туда же отправляли царицынцев и самарцев, участников восстания. Такой вид наказания был издавна в практике московского правительства. Вспомним, к примеру, отправку в ссылку на вечную службу в Астрахань и другие Понизовые города стрельцов и посадских людей из Москвы после подавления Медного бунта в 1662 г. Многие из них еще служили в этих городах, прежде всего в Астрахани, в 1670 г. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что стрельцы из Понизовых городов не оказывали активного сопротивления разинцам, в отличие от московских стрельцов.

Условия жизни в такой ссылке не особенно отличались от жизни местных стрельцов (у тех и других служба была тяжелой, все находилось в равных условиях). Ссылные стрельцы в отдаленных городах несли обычную службу, они получали

жалование. Для них существовал ряд ограничений: им не доверялись особо ответственные дела, их не отправляли гонцами в другие города, они не сопровождали важные грузы, послов и т. д.

В Холмогоры были отправлены в ссылку 15 стрельцов, из них 4 холостых и 11 женатых. Судя по всему, все эти стрельцы были еще молодыми, у них были малолетние дети («сын Андрюшка да дочь Анисьица малы») или младшие братья («брат Федька мал»), живы были их матери-вдовы. У некоторых женатых стрельцов детей еще не было.

Это следующие стрельцы:

Алешка Халаз, жена у него Дунька;

Алешка Иванов холост;

Якушка Колотилов, жена у него Марьица, дети сын Андрюшка да дочь Анисьица малы;

Сенька Желваков у него мать Малашка да жена Анютка;

Андрюшка Болдырев, жена у него Палашка, дети Мишка, Федька да дочери Устюшка да Катеринка;

Афонька Андреев холост;

Савка Аристов, у него жена Домница да мать вдова Овдотьица, да брат Федька мал;

Васька Кадников, жена у него Палашка да сын Максимко да дочь Оринка малы;

Мишка да Ивашка Лысяновы, у них мать вдова Федорка да брат Алешка, у Мишки жена Федорка;

Васька Плотник, жена у него Грунька, дети сын Гришка да дочь Грунька малы;

Артюшка Двадцатьалтынов, жена у него Аксютка, 2 дочери Наташки;

Александрик Артемьев, жена у него Дунька, да дочери Настька да Наташка;

Илюшка Артемьев, жена у него Дунька;

Якушко Артемьев холост⁵¹.

Кроме саратовских стрельцов в Холмогоры направлялись 5 солдат рыбного промысла, существовавшего в то время в Саратове, четверо из которых были женаты, имели детей, а один холост, но на его попечении находилась мать.

Вместе со стрельцами и солдатами рыбного промысла в Холмогоры были отправлены «несысканных воров жены», мужья которых Ивашка Сажин и Андрюшка Богданов принимали активное участие в восстании, но, возможно, находились в бегах. Это «Ивашкова жена Сажина Маринка и Андрюшкина жена Богданова Лукерьица».

В Великий Устюг были направлены в ссылку 15 саратовцев, среди них 8 стрельцов, 4 посадских людей, 1 солдат рыбного промысла и двое служилых людей Артюшка и Ганька Лодыженские (возможно, это были дети боярские). В документе было сказано, чтобы все они были в Великом Устюге в стрельцах.

Приведем имена стрельцов:

Ивашко Свешников, жена у него Малавка;

Федька Винокуров, жена у него и дети на Саратове;

Ивашко Жеребцов, жена у него Катеринка, сын Петрушка мал;

Васька Шевердяков, жена у него Орюшка;

Ивашко Шевердяков, холост;

Олферко Шевердяков, жена у него Окулька, дочь Аленка;

Васька Васильев сын Шевердяков, жена у него Паранька, сын Петрушка мал;

Увечный стрелец Ондрюшка Паншин, жена у него Домница, дочери Улька, Дунька.

В числе отправленных в Устюг также упоминается «несысканого вора Филькина жена Яковлева Овдотьица, у ней дочь Крестюшка». Трудно сказать, кто такой этот саратовец Филька Яковлев, служилый или посадский человек⁵².

Подробно о том, как рядовые стрельцы из Астрахани, Черного Яра, Царицына, Камышенки, Саратова и Самары и даже некоторые стрелецкие начальники (пятидесятники) приняли участие в походе Степана Разина, говорится во многих опубликованных документах. Стрельцы поволжских городов не проявили упорства в борьбе против разинцев, в отличие от стрельцов из центральных районов страны, направленных на подавление восстания.

После переноса Саратова на правый берег Волги в 1674 г. стрельцы еще свыше 30 лет по-прежнему составляли основную часть гарнизона города.

Автор выражает надежду, что материалы, изложенные в данной статье, будут способствовать созданию более репрезентативной картины русского средневекового города юго-восточного фронта, каковым являлся Саратов в XVII в.

Примечания

- 1 См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.) / сообщил А. Голомбиевский. М., 1892. 26 с. (далее – *Голомбиевский А. А.* Материалы...)
- 2 См.: *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
- 3 Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – *Книги разрядные*) : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 1143, 1145, 1146.
- 4 Там же. Стб. 1250, 1252–1253.
- 5 Там же. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 87–91.
- 6 Там же. Стб. 192–197.
- 7 Там же. Стб. 288.
- 8 Там же.
- 9 Там же. Стб. 927–929.
- 10 Там же. Стб. 819.
- 11 Там же. Стб. 922.
- 12 Разрядная книга 1637/1638 года / отв. ред. В. И. Буганов ; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина, А. П. Богданов. М., 1983. С. 117, 124 ; Разрядная книга 1637/1638 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / отв. ред. В. И. Буганов ; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина. М., 1974. С. 342.

- 13 См.: Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 523.
- 14 Книги разрядные. Т. 2. Стб. 687 (1631/1632 г.) ; Стб. 818 (1634/1635 г.).
- 15 Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. М., 1882. Стб. 533–534
- 16 Там же. Стб. 598–599.
- 17 *Акимов Т. М., Ардабацкая А. М.* Очерки истории Саратова (XVII и XVIII век). Саратов, 1940. С. 13.
- 18 См.: Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов : в 2 т. М., 1975. Т. 2, вып. 2. С. 416.
- 19 *Герасимов А. А.* Материалы для истории Саратовского Поволжья ; столбцы Московского архива Министерства Юстиции // Труды СУАК. 1912. Вып. 29, № 7. С. 66–68.
- 20 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 35. С. 13.
- 21 Там же. № 45. С. 14.
- 22 Там же. № 45 (примеч.). С. 14.
- 23 Там же. № 5. С. 10.
- 24 Там же. № 12. С. 10.
- 25 Там же. № 58. С. 15.
- 26 Там же. № 7. С. 10 ; № 9. С. 10.
- 27 Там же. № 17. С. 11 ; № 20. С. 11.
- 28 Там же. № 43. С. 13.
- 29 *Герасимов А. А.* Материалы для истории Саратовского Поволжья... № 10. С. 70–71.
- 30 См.: *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 203–209.
- 31 Вторая отписка Саратовского воеводы Д. В. Хитрово о поимке воровских казаков, грабивших на Волге. 1659, октября 16 // Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографической Комиссией Министерства Народного Просвещения (далее – РИБ) : в 39 т. Пг., 1917. Т. 34 (Донские дела, кн. 5). Стб. 536–538 ; Список детей боярских и стрельцов, принявших участие в поимке воровских казаков. 1659, октября 16 // РИБ. Т. 34. Стб. 541–542.
- 32 См.: Отписка из Царицына от воеводы Дмитрия Васильевича Давыдова о появлении воровских казаков на Волге близ урочища Дубовый остров. 1659, мая 1–2 // РИБ. Т. 34. Стб. 462–464. Публикаторы указали дату отписки 23 мая, однако эта дата (23 мая) – время доставки донесения стрелецким сотником Гаврилой Васильевым из Царицына в Москву.
- 33 *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 205.
- 34 *Веселовский С. Б.* Смета военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 43.
- 35 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 46. С. 14.
- 36 *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 53.
- 37 *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 47. С. 14.
- 38 Там же. № 17. С. 11.
- 39 Там же. № 36. С. 13.
- 40 Там же. № 91. С. 21.

- ⁴¹ Голомбиевский А. А. Материалы... № 88. С. 20.
- ⁴² Там же. № 69. С. 16. См. также: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. 1892. № 3 (март). М., 1892. С. 214.
- ⁴³ См.: *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 70. С. 17.
- ⁴⁴ Там же. № 19. С. 11.
- ⁴⁵ Там же. № 95. С. 22.
- ⁴⁶ *Осинов В. А.* Очерки по истории Саратовского края конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 58. Автор ссылается на документ РГАДА «Сибирский приказ. 1647. Стб. 459. Л. 232». Судя по данной сноске, некоторые сведения о левобережном Саратове можно найти в фонде Сибирского приказа.
- ⁴⁷ См.: *Полиевктов М. А.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. Тифлис, 1928. С. 96.
- ⁴⁸ Цит. по: *Смирнов П. П.* Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. II. Публикацию самой «Сметы военных сил» 1632 г. см.: Военно-исторический вестник. 1909. № 7–8 ; 1910. № 9–10.
- ⁴⁹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 391 ; *Акимова Т. М., Ардабацкая А. М.* Указ. соч. С. 12–13 ; *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1, вып. 4. Аткарсск, 1902. С. 1340.
- ⁵⁰ См.: *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 54. С. 15.
- ⁵¹ Грамота из Новгородского приказа двинскому воеводе Ф. П. Нарышкину с сообщением о ссылке в Холмогоры царицынцев, самарцев и саратовцев ; роспись ссыльных. 1674, декабря 4 // Крестьянская война под предводительством С. Разина : сб. документов : в 4 т. М., 1962. Т. 3, № 276. С. 342.
- ⁵² Память из Стрелецкого приказа в приказ Устюжской четверти с распоряжением о ссылке участников восстания в Устюг и роспись ссыльных. 1674, декабря 3 // Крестьянская война... Т. 3, № 275. С. 340–341.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Служилые люди по прибору (стрельцы, пушкарки, воротники) в левобережном Саратове // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 232–241. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-232-241.

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. Recruited Servicemen (Streltsy, Cannoneers, Gatesmen) in the Left-bank Saratov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 232–241 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-232-241.